

ПРОТЕСТ ДОБРОТЫ

Сегодня исполняется 80 лет со дня рождения известного советского драматурга А. Арбузова.

Он запомнился мне красивым, элегантным, отчаянно борющимся со старостью, что проявлялось во всем — и в том, как вел разговор, и в том, как одевался, и в том, как был жаден до впечатлений. Это была непрекращающаяся борьба. Арбузов приходил в наш вахтанговский театр зимой с непокрытой головой в каких-то лохматых пальто или немыслимых курточках, в каких солидному человеку и ходить-то не личит, как говорят у нас в Сибирь. Это не было ни пижонством, ни желанием отличиться, как я думаю, — это была именно борьба с годами.

Я знал его в зрелом возрасте и уже старым человеком. Мне говорили, что перед самой смертью он сказал: «Без выхода...» — мне показалось, эта фраза точно завершила цикл его особенной и ни на кого не похожей жизни художника. Он всегда искал что-то иное, какой-то выход. Как он сочинял жизнь в своих пьесах, так сочинял и себя. Его драматургия не была точным сколком действительности. Это была больше мечта, желание видеть реальность такой. Она была пряная, она была прелестная, она была ностальгическая. Недаром в последние годы, когда жизнь становилась все более жесткой, и драматургии, особенно молодые, тоже стали более жесткими, стали запускать руку глубоко в раны жизни, они начали как бы отменять его.

При этом самое потрясающее, что он дружил с этими молодыми, не боялся подставлять им свое могучее плечо, поднимать их. Редкое свойство, когда в искустве человек никого не загораживает. Ведь вот с режиссерами — не в пример драматургам — мы попали в абсолютную западню: почти никто из наших лидеров не имеет учеников, не имеет последователей, поле вокруг них как бы вытоптано. Арбузов собирал студии, желая и самому что-то узнать у молодых, и им дать возможность развития.

Он был страстный путешественник. Он бесконечно любил ездить. Однако, на мой взгляд, он скорее убегал от жизни, нежели изучал ее. Уезжая во всякие «мягкие» места (Ялта, Дубулты), он, может быть, скрывался от жестокости жизни, он был, вероятно, очень ранимый человек.

Парадокс заключается вот в чем. Возьмем Юрия Любимова, с которым мы вместе сыграли в арбузовской «Иркутской истории», — он ведь большого мужества человек, больших, яростных поступков в плане искусства и безвольный, мне думается, человек в личном плане. То есть то, что происходит, происходит как будто помимо его сознания и воли, он не обращает на это никакого внимания, не тут — главное для него. Примерно то же происходило с Алексеем Николаевичем. Недаром он так чурался всякой общественной миссии. Он не любил выступать, не любил воевать. Хотя всегда имел точную позицию. Он был глубоко порядочный человек и, по-видимому, не совершил ни одного серьезно неправомерного поступка. Но я никогда не видел его, так сказать, на баррикадах. Он от этого всегда уходил. А в то же время в неприличные дела никогда не ввязывался. В этом его никто обвинить не может. И вот я думаю, а может, это и правильно? Он был человеком умным, тонким, наблюдательным, он понимал, что бессиль-

лен что-то поменять по большому счету в том мире, в котором все мы жили. И в той драке, которая шла и продолжает идти у нас в литературе, — именно драка, а не борьба, — конечно, он не мог в ней участвовать. Он был другой. Он все-таки был какой-то залетной птицей...

У меня с Алексеем Николаевичем связана моя театральная молодость. Я был еще зеленым артистом, когда сыграл первую свою крупную роль в «Городе на заре» в постановке Евгения Симонова. И могу сказать, что заря у нас была замечательная. Арбузовская поэзия и симоновский романтизм совпали с временем — как заявило о себе целое поколение вахтанговцев: Борисова, Гунчова, Гриценко, Пашкова, Гунченко... Мы играли возвышенно. Как говорилось в спектакле, «охрипшими от счастья голосами пели «Интернационал». И мы пели. Это ведь был не столько рассказ о комсомольцах 30-х годов, сколько пьеса о них. Имевшая мало общего с тем, как они жили на самом деле, жестоко выброшенные в тайгу. (Вот с каких пор — и еще раньше — мы этим занимаемся: выбираем в тайгу, требуем героизма, а потом описываем этот героизм...)

С этим спектаклем было смешно. Мы повезли его в ГДР. Играем — немцы слезливы. Спрашиваем: не нравятся спектакль? Немцы говорят: да нет, спектакль хороший, непонятно только, что вы восхваляете, сначала надо было дороги построить, а потом уже за город браться. Для немцев весь этот героизм оказался безумен, бессмыслен: чего ж начинать строить город буквально на пне!

Но это все видно сейчас. Тогда «Город на заре», равно как и «Иркутская история», рождался на одном дыхании. С «Иркутской историей» мы торопились — Охлопков ставил ту же пьесу. Мы сделали работу за месяц. И это был самый лучший спектакль Симонова. Я давно заметил, когда есть какой-то двигатель, это полезнее, чем когда рассиживаются, актеры начинают тянуть вола, а режиссер болтать без смысла, все погрязает в общей скуке, и скука вылезает потом в спектакле. Нужна конкуренция. Или какие-то другие острые обстоятельства.

В «Иркутской истории» прежде всего совпали тема и личность Юлии Борисовой. Она поразительная актриса, ее человеческие, нравственные, художественные позиции высшего толка, она донкихот в искусстве.

Собственно, в этом спектакле был разыгран старинный, как мир, треугольник, новость заключалась только в том, что происходил он на холодной ангарской почве. Но Арбузов умел писать человеческие истории, умел, знал и считал единственно возможным для себя это делать. В те, прошедшие годы это был протест, это была оппозиция тому макетному театру, где не было людей, а были некие функции, транспаранты, громкоговорители определенной идеи. Если вдуматься, Арбузов со своей фиксацией человеческого «я» противостоял теории винтиков. Он тихо, спокойно и интеллигентно делал свое дело.

Он любил людей. Не препарировал их — он ими любовался. Он видел, что они могут быть достойными, великодушными, самоотверженными, и это и открывал в них.

Михаил УЛЬЯНОВ.